

ЛИТЕРАТУРА И ФИЛОСОФИЯ

LITERATURE AND PHILOSOPHY

УДК 82:94(470+591)

ББК 83.3:63.3(2)

Инга Юрьевна Матвеева

Российский государственный институт сценических искусств, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и искусства театроведческого факультета, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: inga.matveeva.spb@gmail.com

Игорь Иванович Евлампиев

Санкт-Петербургский государственный университет, доктор философских наук, профессор кафедры русской философии и культуры, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: yevlampiev@mail.ru

Петр I и Пугачев: зарождение идеи «народной империи» в творчестве А.С. Пушкина¹

Аннотация. Анализируются исторические и художественные сочинения А.С. Пушкина, посвященные эпохе Петра I и восстанию Емельяна Пугачева. Показано, что в творчестве Пушкина образ Петра I осмысливается как образ революционного деятеля, подобного деятелям Великой французской революции, раскрепостившего творческие силы России (позднее похожее понимание исторического значения Петра даст А.И. Герцен). Анализ исторических сочинений Пушкина позволил утверждать, что, размышляя над образом Петра I, поэт увидел его парадоксальное сходство с образом Пугачева. В исследовании этой темы была использована важная идея Ю.М. Лотмана о том, что Пушкин понимает человеческую жизнь как взаимодействие двух полярных начал – сферы высших ценностей, которую он представляет в образах грозных «кумиров», и иррациональной стихии, являющей себя в виде природных катаклизмов и народного бунта. Было высказано предположение, что эта идея справедлива также в отношении понимания Пушкиным общественной жизни. Это позволило утверждать, что для Пушкина абсолютный правитель должен укрощать, вводить в должные границы оба начала общественного бытия – имперскую, безграничную власть и народную стихию – и осуществлять их плодотворный синтез. В исторических сочинениях Пушкина Петр I предстает близким к абсолютному правителю, но придавшему плодотворную, созидательную форму только имперскому началу, подавившему народную стихию. Анализ образа Пугачева в творчестве Пушкина позволяет утверждать, что образ Пугачева Пушкин создает как альтернативу Петру I, воплощающую стихию «народного бунта», титул «самозванного государства». В результате высказывается важное предположение, что Пушкин мыслит

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 21-18-00153 «Идея империи и идея революции: два полюса русского общественно-политического мировоззрения в философии и культуре XIX–XXI веков» (Санкт-Петербургский государственный университет). The reported study was funded by Russian Science Foundation according to the research project No. 21-18-00153 “The idea of empire and the idea of revolution: two poles of the Russian socio-political worldview in philosophy and culture of the XIX–XXI centuries” (St. Petersburg State University).

образ абсолютного правителя как соединение, синтез образов Петра I и Емельяна Пугачева. Показано, что возникшая в художественном воображении Пушкина идея «народной империи» приобретает вполне законченную теоретическую форму в сочинениях А.С. Хомякова и И.В. Киреевского. Выявлены основные слагаемые представления об идеальной монархии как о форме общинного народного государства, в котором монарх служит интересам народа, а народ дает ему санкцию на власть.

Ключевые слова: диалектика истории, народная империя, политические взгляды А.С. Пушкина, Пугачев как народный монарх

Inga Yur'evna Matveeva

Russian State Institute of Performing Arts, Candidate of Philology, Associate Professor of Philology, Departments of Literature and Art, Theatrical Faculty, Russia, Saint-Petersburg, e-mail: inga.matveeva.spb@gmail.com

Igor Ivanovich Evlampiev

St. Petersburg State University, Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy, Department of Russian Philosophy and Culture, Russia, Saint-Petersburg, e-mail: yevlampiev@mail.ru

Peter I and Pugachev: the Birth of the Idea of a “People's Empire” in the Works of A.S. Pushkin

Abstract. The article analyzes the historical and artistic works of A.S. Pushkin dedicated to the era of Peter I and the uprising of Emelyan Pugachev. It is shown that Pushkin considers Peter I a revolutionary figure, similar to the figures of the Great French Revolution, who liberated the creative forces of Russia (later A.I. Herzen will give a similar understanding of the historical significance of Peter the Great). An analysis of Pushkin's historical writings allowed us to assert that, reflecting on the image of Peter I, the poet saw his paradoxical similarity with the image of Pugachev. In the study of this topic, an important idea of Yu.M. Lotman that Pushkin understands human life as the interaction of two polar principles – the sphere of higher values, which he represents in the images of formidable “idols”, and the irrational element, which manifests itself in the form of natural disasters and popular revolt. It has been suggested that this idea also applies to Pushkin's understanding of social life. This made it possible to argue that for Pushkin, the absolute ruler must tame, introduce both principles of social life into the proper boundaries – imperial, unlimited power and the element of the people – and carry out their fruitful synthesis. In the historical writings of Pushkin, Peter I appears close to such an absolute ruler, but he gave a fruitful, creative form only to the principle of the empire, he simply suppressed the principle of the people; that is why Pushkin draws attention to Pugachev, who, taking the title of the self-proclaimed “people's sovereign”, is trying to tame, give a fruitful form to the people's revolt and thereby demonstrate the necessary alternative to Peter. As a result, the article expresses an important assumption that Pushkin thinks of the image of the absolute ruler as a combination, a synthesis of the images of Peter and Pugachev. It is shown that the idea of a “people's empire” that arose in Pushkin's artistic imagination acquired a completely finished theoretical form in the writings of A.S. Khomyakova and I.V. Kireevsky. The main components of the idea of an ideal monarchy as a form of a communal people's state, in which the monarch serves the interests of the people, and the people give him sanction for power, are revealed.

Key words: dialectic of history, people's empire, Pushkin's political views, Pugachev as a people's monarch

DOI: 10.17588/2076-9210.2022.3.123-139

Феномен А.С. Пушкина – это первое явление великой русской культуры в ее целостной сущности. В этом своем качестве гениальный поэт предстает как наглядный результат исторических преобразований, проведенных в XVIII веке Петром I и его ближайшими преемниками. Любая великая культура может существовать и развиваться только через глубинное осмысление прошлого, своих исторических основ; не случайно именно Пушкин впервые обращается к феномену Петра I не в подобострастной манере дворцовых летописцев, а с позиции объективного историка, учитывающего все значимые предпосылки и последствия деяний великого человека. Значение Петра I для настоящего и будущего России становится важной темой для Пушкина особенно в последние годы жизни, когда он уже осознает, что его собственное художественное и историческое творчество станет основой для последующего развития русской культуры.

Чрезвычайно важным и на первый взгляд загадочным фактом в размышлениях Пушкина о начале русской имперской государственности оказывается тесная взаимосвязь двух исторических фигур – Петра I и Емельяна Пугачева. Прежде чем пытаться объяснить причины этого «странного сближения» внешне абсолютно полярных феноменов русской истории в сознании великого поэта², необходимо обратить внимание на то, каким образом он шел к окончательному оформлению этой темы.

Первое важное свидетельство размышлений Пушкина над исторической работой о Петре I содержится в воспоминаниях А.Н. Вульфа, который отметил в записи от 16 сентября 1827 г.: «Играя на биллиарде, сказал Пушкин: “Удивляюсь, как мог Карамзин написать так сухо первые части своей “Истории”, говоря об Игоре, Святославе. Это героический период нашей истории. Я непременно напишу историю Петра I, а Александрову – пером Курбского. Непременно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться. Теперь уже можно писать и царствование Николая, и об 14-м декабря”» [2, с. 137]. Показательно, что планы исторической работы сопровождаются размышлениями Пушкина о современности, он фактически говорит о том, что должен сделаться «летописцем», для которого прошлое становится необходимым основанием в описании и осмыслении настоящего.

Одновременно в воспоминаниях Вульфа зафиксировано начало работы Пушкина над художественным произведением об эпохе Петра, из чего следует, что исторический замысел стал следствием художественной работы: «В другой же книге показал он мне только что написанные первые две главы романа в прозе, где главное лицо представляет его прадед Ганнибал, сын абиссинского эмира, похищенный турками, а из Константинополя русским посланником присланный в подарок Петру I, который его сам воспитывал и очень любил. Глав-

---

² В западной литературе это сближение объясняется чаще всего очень просто: общим «тираническим» и «авторитарным» характером русской власти (см.: Platt K. *Terror and Greatness: Ivan and Peter as Russian Myths*. Ithaca: Cornell University Press, 2011. P. 58–64 [1]).

ная завязка этого романа будет – как Пушкин говорит – неверность жены сего арапа, которая родила ему белого ребенка и за то была посажена в монастырь. Вот историческая основа этого сочинения» [2, с. 136]. Работа над петровской темой рождается в неразрывной связи с размышлениями об истории своего рода и параллельно с другими историческими замыслами и художественными произведениями о значительных исторических событиях. В это же время Пушкин рассказывает (по воспоминаниям того же Вульфа), что государь лично «цензирует» его «Бориса Годунова», говорит о запрещении на печатание «Песен о Стеньке Разине» (они были опубликованы только в 1881 г.).

Петровская тема находит многообразное воплощение в творчестве Пушкина: в «Стансах» (1826 г.), в поэме «Полтава» (1828 г.), в незавершенном романе «Арап Петра Великого» (1827–1836 гг.), в петербургской повести «Медный всадник» (1833 г.), стихотворении «Пир Петра I» (1835 г.), наконец, в незавершенном историческом труде «История Петра I» (1834–1837 гг.). В этих поэтических и прозаических текстах Пушкин предлагает вариации самых существенных тем: роль личности в истории, сущность и историческое становление империи, противоречивость личности Петра Великого, строительство Петербурга как символа новой России. Непосредственно историографом Петра Пушкин стал в 1831 г. О начале работы, которая очень увлекала поэта, есть упоминание в письме Н.М. Языкова к брату: «Пушкин только и говорит что о Петре. <...> Он много, дескать, собрал и еще соберет новых сведений для своей истории, открыл, сообразил, осветил и проч.» [3, с. 603].

В литературоведческих исследованиях давно обратили внимание на то, что работа Пушкина над петровской темой причудливо сочетается сначала с интересом, а потом и со столь же капитальной исторической работой над темой Пугачевского бунта. Повторяя мнение Я.К. Грота, который опубликовал переписку Пушкина с военным министром графом А.И. Чернышевым по поводу работы в архивах Главного штаба для изучения материалов по истории пугачевского бунта, исследователи традиционно объясняли возникновение интереса Пушкина к Пугачеву как случайность, следствие планов писать о А.В. Суворове³. Как справедливо отмечает Ю.Г. Оксман, эта точка зрения была закреплена в Академическом издании сочинений Пушкина 1914 г.⁴

Советская литературоведческая традиция придала вниманию Пушкина к «пугачевской теме» гораздо большее значение. Произведения Пушкина, посвященные пугачевскому бунту, а именно исторический труд «История Пугачева» (1833 г.) и повесть «Капитанская дочка» (1836 г.), которую часто именуют романом, осмысливались в связи с размышлениями Пушкина о революционных

³ См.: Грот Я.К. Приготовительные занятия Пушкина для исторических трудов // Грот Я.К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники: Несколько статей Я. Грота с присоединением и других материалов. СПб.: Типография императорской академии наук, 1887. С. 159–167 [4].

⁴ См.: Оксман Ю.Г. Пушкин в работе над «Историей Пугачева» // Литературное Наследство. Т. 16/18. [Александр Пушкин]. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. С. 444 [5].

событиях в Европе. В образах народного гнева и народного возмущения XVIII века, созданных поэтом, видели пророческое значение литературы, предвосхитившей революцию 1917 г.

Таким образом, имперская тема, которая выдвигала в художественных размышлениях образ Петра Великого, и тема народная, которая также имела своего героя «из народа» – Емельяна Пугачева, в поздних творческих устремлениях Пушкина предстают как параллельные, даже перебивающие друг друга. Показательно, что Н.М. Языков в письме к М.П. Погодину от 3 октября 1833 года перечисляет все исторические замыслы Пушкина как одновременные: «У нас был Пушкин с Яика – собирал-де сказания о Пугачеве. <...> Заметно, что он вторгается в область Истории, ... собирается ... писать Петра, Ек[атерины] I-ой и далее вплоть до Павла первого» [6, с. 715]. Мы полагаем, что две темы, которые условно можно назвать «имперской» и «революционной», сошлись в творческом сознании Пушкина совершенно неслучайно и взаимно обуславливали друг друга. Понять смысл их связи очень важно не только для понимания творчества Пушкина, но и для понимания развития русского общественно-политического сознания.

Очень показательна в этом смысле запись Пушкина в его наброске «О дворянстве» (1830–1835 гг.): «Средства, которыми достигается революция, недостаточны для ее закрепления. – Петр I – одновременно Робеспьер и Наполеон (воплощение революции)» [7, с. 104]. Неожиданное отождествление первого русского императора с деятелями Великой французской революции кажется случайным парадоксом, неким произвольным актом художественного сознания поэта. Однако такому предположению противоречит тот факт, что обозначенное Пушкиным сопоставление не только сохранится в последующей философской и исторической мысли, но и превратится во вполне обоснованную форму понимания русской истории. Наиболее прямо его использует в своих рассуждениях об истории России А.И. Герцен. В книге «О развитии революционных идей в России» (1851 г.) он рассматривает деятельность Петра I как в подлинном смысле революционную, подобную по своим результатам Великой французской революции. Петр спас Россию от косной византийской государственности, препятствовавшей плодотворному развитию русской культуры⁵. При этом показательно, что подлинным продолжением «революционного» дела Петра I, по мысли Герцена, является не демократическое, народническое движение, а *крестьянская стихия*, далекая от западных либерально-демократических концепций, вдохновлявших русских интеллигентов, несущая в себе *свой собственный идеал монархии*. В будущем, пророчит Герцен, в России произойдет «огромное восстание, наподобие пугачевского», которое сметет старый строй жизни и попытается «распространить порядки сельской общины

---

⁵ См.: Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Герцен А.И. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 3. М.: Худож. лит., 1956. С. 408–409 [8].

на все поместья, на города, на все государство»; фантазия Герцена рисует совершенно невероятный результат этой революции: образ «русского императора, окруженного учреждениями коммунистическими» [8, с. 505].

Рассуждения Герцена спустя 12 лет после смерти Пушкина помогают понять причины сближения в сознании поэта фигур Петра и Пугачева. Вряд ли Герцен мог высказать столь неожиданные суждения, если бы они не были подготовлены исторической мыслью Пушкина.

Мощнейшим стимулом для исторической работы Пушкина, связавшей Петра и Пугачева, стали трагические события, сотрясавшие устои русского государства. В письмах Пушкина мы находим сведения о «холерных бунтах» и солдатских восстаниях, ужасавших современников бессмысленностью и жестокостью. В письме от 29 июня 1831 г. Пушкин сообщает П.А. Осиповой: «Времена стоят печальные. В Петербурге свирепствует эпидемия. Народ несколько раз начинал бунтовать. Ходили нелепые слухи. Утверждали, что лекаря отравляют население. Двое из них были убиты рассвирепевшей чернью. Государь явился среди бунтовщиков. <...> Нельзя отказать ему ни в мужестве, ни в умении говорить, на этот раз возмущение было подавлено; но через некоторое время беспорядки возобновились. Возможно, что будут вынуждены прибегнуть к картечи» [9, с. 658]. Аналогичные события описаны в письме Пушкина от 3 августа 1831 г. к П.А. Вяземскому.

В это же время (1830–1831 гг.) в Европе происходят не менее трагические революционные события, которые заставляют Пушкина снова задуматься о Великой французской революции. Пушкинский набросок «О французской революции» имеет точную датировку: «30 мая 1831 года. Царское село». Эти факты свидетельствуют о том, что соединение образа Петра I с размышлениями о бунтах и революционных событиях имело основание в современной Пушкину действительности и произошло в сознании поэта далеко не случайно.

Но бунт и революция при всей трагичности их последствий часто выражают какие-то скрытые позитивные силы истории. Как глубокий мыслитель, Пушкин прекрасно понимал эту диалектику истории и отразил ее в своих сочинениях. Этот важнейший аспект философского мировоззрения Пушкина хорошо описал Ю.М. Лотман. В своих статьях он утверждает, что в поздних сочинениях Пушкина соединяются два устойчивых комплекса образов, создающих важную идейную конструкцию: образы иррациональной стихии (бушующая Нева, бурное море, чума, народный бунт) и образы застывших, вечных «кумиров» (статуи античных императоров, Медный всадник, статуя командора)⁶. В своем обособленном существовании оба этих полюса являются негативными и враждебными в отношении человека: появляясь в литературном произведении как иррациональная стихия, так и застывший «кумир» ужасают человека

⁶ См.: Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С. 124–130 [10].

и сулят ему гибель. Однако будучи связанными друг с другом, взаимодействуя и ограничивая друг друга, они образуют течение жизни, даруют человеку, с одной стороны, жизненные силы и, с другой стороны, высшие ценности, которые придают жизни разумный смысл и представление о гармонии. Тема борьбы человека с противоположными полюсами бытия стала главной в поэме «Медный всадник», где раскрепощение этих полярных начал разрушает счастье и даже лишает жизни «бедного» Евгения. «Маленькому человеку» Евгению грозит уничтожением и вышедшая из берегов Нева, и сошедший с пьедестала Медный всадник, конная статуя Петра I. Пушкин показывает, что человек неминуемо должен погибнуть в этом неравном столкновении, но одновременно он может и возвыситься в противостоянии этим сверхличным силам. Евгений из «маленького человека» становится романтическим героем: в самый пик наводнения он возвышается над стихией Невы, сидя на статуе льва, а позднее грозит самому Петру, застывшему монументу: «Ужо тебе!»

В исторических размышлениях Пушкина мы находим фрагмент, помогающий понять, что он хотел сказать с помощью образа Евгения в своей поэме. Мы имеем в виду очерк, посвященный А.Н. Радищеву (1836 г.). В ответ на книгу «Путешествие из Петербурга в Москву» Пушкин предполагал написать свое «путешествие-размышление» с полемическим заголовком «Путешествие из Москвы в Петербург» (над этим сочинением, первоначально называвшимся «Мысли в дороге», поэт работал в 1833–1835 гг.). Здесь Пушкин предполагал высказать свое критическое отношение к Радищеву за его отрицание петровских реформ, аллегорически выраженное с помощью превознесения Москвы как символа подлинной России, противостоящей «искусственному» Петербургу. В подготовленном для «Современника» очерке «Александр Радищев» Пушкин дал весьма нелюбимую итоговую оценку своему предшественнику: «Невежественное презрение ко всему прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне, частные поверхностные сведения, наобум припорошенные ко всему, – вот что мы видим в Радищеве» [11, с. 245–246]. На этом фоне достаточно неожиданно выглядит пушкинское суждение о внутреннем благородстве решительного поступка Радищева, бросившего вызов действующей власти. Исторический контекст, в котором было совершено это деяние, придает ему характер откровенного безумия: «Мелкий чиновник, человек безо всякой власти, безо всякой опоры, дерзает вооружиться противу общего порядка, противу самодержавия, противу Екатерины!» [11, с. 242]. Тем не менее Пушкин признает, что протест против сложившегося порядка вещей в таких условиях является *геройством*, даже если по своей сути он должен быть признан пагубным, а не полезным: «Но Радищев один. У него нет ни товарищей, ни соумышленников. В случае неуспеха – а какого успеха может он ожидать? – он один отвечает за все, он один представляется жертвой закону. Мы никогда не почитали Радищева великим человеком. Поступок его всегда казался нам преступлением, ничем не извиняемым, а “Путешествие в Москву” весьма посред-

ственной книгою; но со всем тем не можем в нем не признать преступника с духом необыкновенным; политического фанатика, заблуждающегося конечно, но действующего с удивительным самоотвержением и с какой-то рыцарскою совестью» [11, с. 242]. Получается, что яркая, страстная личность, болеющая за других людей и за все человечество, ценна сама по себе в своем протесте, даже если она заблуждается в представлениях о благе человечества. Такая личность своим существованием *оправдывает* общество, даже если она выступает против него и его недостатков.

Литературный персонаж «Медного всадника», «бедный» Евгений, и общественный деятель, литератор Радищев, важны Пушкину тем, что они хотя бы на мгновение становятся «героями», возносятся над обстоятельствами в своей борьбе с грозными силами бытия⁷. Они делают значительный шаг к выражению человеческого величия, однако не достигают его. Подлинная жизнь человека, свободная и гармоничная, возможна только на основе укрощения двух полюсов бытия и культуры, достижения их равновесия и синтеза через личность. Добиться такого синтеза могут только по-настоящему великие личности, большинство погибает в этой борьбе, как это происходит в конце концов с героем «Медного всадника». Понимая это, Пушкин особенно интересуется как раз великими личностями – теми, которые оказываются способными добиться хотя бы относительного умирения полярных начал бытия.

В художественном мировоззрении Пушкина диалектическое взаимодействие полярных начал бытия определяет не только личную, но и общественную жизнь. Правильная организация их взаимодействия здесь имеет еще большее значение, чем в жизни отдельной личности, ведь от нее зависит историческая судьба народа. Если иметь в виду социальное бытие, то полярными силами в нем выступают, с одной стороны, империя как безраздельная власть над жизнью людей и, с другой стороны, стихия бунта, в которой живет чистая народная сила, способная разрушать, но способная и созидать при ее должной организации. Правильная власть должна ввести в границы названные противостоящие силы и добиться их синтеза во благо людей, она должна обнаружить в движении истории гуманистическое начало – именно такие цели характеризуют абсолютного правителя и абсолютное государство. Петр I в произведениях Пушкина приблизился к образу такого абсолютного правителя, однако он по-настоящему прочно смог подчинить и организовать только полюс «кумиров», начало вечных ценностей государства, империи, но не смог организовать и гармонизировать народную стихию, он только подавил и сковал ее. Именно поэтому Пушкин обращает внимание на Пугачева как народного «двойника» Петра, как «самозванца», но принятого народом в качестве своего «великого госуда-

---

⁷ Признавая этих героев «безумцами», Пушкин мыслит само безумие в качестве положительной и возвышенной формы бытия человека (см. подробнее: Rosenshield G. Pushkin and the Genres of Madness: The Masterpieces of 1833. Madison: University of Wisconsin Press, 2003 [12]).

ря». Пугачев выполняет функцию обуздания и подчинения народной стихии во имя благих целей, как Петр I подчиняет идею империи делу строительства великой России. Можно предположить, что грядущего абсолютного правителя России Пушкин мыслил как сочетание, своеобразный синтез образов Петра I и Пугачева.

Основным мотивом «Истории Пугачева» становится легкость движения вперед народного войска и быстрота расширения пространства, захваченного мятежниками. Читательское внимание, следуя за историческими фактами, изложенными почти бесстрастно, подчиняется мотиву движения. Очень показательно, как выстроена вторая глава: «Появление Пугачева. – Бегство его из Казани. – Показания Кожевникова. – Первые успехи Самозванца. – Измена илецких казаков. – Взятие крепости Рассыпной. – Нурали-Хан. – Распоряжение Рейнсдорпа. – Взятие Нижне-Озерной. – Взятие Татищевой. – Совет в Оренбурге. – Взятие Чернореченской. – Пугачев в Сакмарске» [13, с. 116]. Появление Пугачева в повествовании сразу же приводит в движение мятежные силы, которые быстро завладевают огромным пространством. В свою очередь, захват пространства приводит к усилению мятежных сил, поскольку «господские крестьяне явно оказывали свою приверженность самозванцу»⁸. Мятеж очень быстро расширяется в пространстве и возрастает количественно: «С каждым днем силы Пугачева увеличивались. Войско его состояло уже из двадцати пяти тысяч; ядром оно были яицкие казаки и солдаты, захваченные по крепостям; но около их скопилось невероятное множество татар, башкирцев, калмыков, бунтующих крестьян, беглых каторжников и бродяг всякого рода. Вся эта сволочь была кое-как вооружена, кто копьем, кто пистолетом, кто офицерской шпагой. Иным розданы были штыки, наткнутые на длинные палки; другие носили дубины; большая часть не имела никакого оружия» [13, с. 130–131].

Можно заметить, что и в поэме «Медный всадник» важнейшим мотивом становится непрерывное расширение пространства как выражение мощи и, значит, потенциальной *позитивности* обеих противостоящих сил. Петр, «строитель чудотворный», запечатлен в движении даже в монументе Э.-М. Фальконе. Памятник становится символом движения, развития России. Становление империи связано с освоением новых пространств: замыслы Петра определяются пространственным расширением («вдаль глядел», «прорубить окно» в Европу, «грозить шведу»). Но не только Петр «сдвигает» события, заставляет историю развиваться в новой логике. В ответ на действия великого человека разбушевавшаяся водная стихия также отвоевывает пространства («на город кинулась», «и затопляла острова»), она словно соревнуется с противоположной силой, воплощенной в империи. Эта борьба двух полярных начал делает предельно актуальной необходимость укрощения обоих и приведение их к единству. В связи с

---

⁸ См.: Пушкин А.С. История Пугачева // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. Л.: Наука, 1978. С. 126 [13].

этими размышлениями в центре внимания Пушкина и оказываются Петр и Пугачев, которые пытаются обуздать хотя бы одну из борющихся сил, преобразовать противоборство в гармонию.

Для понимания значения Пугачева в размышлениях Пушкина о грядущей идеальной империи важное значение имеет существенное различие его образа в «Истории Пугачева», историческом, документальном произведении, и в художественной повести «Капитанская дочка».

Только начав заниматься историей пугачевского бунта, Пушкин обращает особое внимание на тему дворянина, перешедшего на сторону бунтовщиков⁹. Его заинтересовала противоречивая судьба Шванвича, реального участника событий пугачевского бунта, биографию которого Пушкин почерпнул из «Полного собрания законов Российской империи», в XX томе которого был приведен приговор «О наказании смертною казнию изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщников. – С присоединением объявления прощаемым преступникам». Этот документ Пушкин получил 17 февраля 1832 г. от М.М. Сперанского как подарок Николая I. В том же 1832 г. Пушкин услышал рассказ П.В. Нащокина о судебном процессе белорусского дворянина Островского, который был положен в основу повести «Дубровский»¹⁰. В позднейшем письме к А.Х. Бенкендорфу от 6 декабря 1833 г. Пушкин объяснял: «Я думал некогда написать исторический роман, относящийся ко временам Пугачева, но, нашед множество материалов, я оставил вымысел и написал “Историю Пугачевщины”» [9, с. 357]. История-биография Шванвича получит воплощение и развитие в биографиях Гринева и Швабрина в повести «Капитанская дочка». Стихия народного бунта оказывается средой, в которой кристаллизуется низменная или возвышенная сущность человека, он выходит из состояния обыденности и либо возносится до подлинного героизма, либо падает до предательства и злодейства.

При сравнении «Истории Пугачева», труда, в котором целью писателя была историческая правда, и художественной повести «Капитанская дочка» исследователи отмечали двойственное отношение к образу Пугачева. В тексте «Истории Пугачева» предводитель крестьянского восстания предстает и именуется «злодеем» и «разбойником», отнюдь не в мифологическом или поэтическом смысле. Войско Пугачева на протяжении всего исторического описания Пушкин называет «шайкой», «шайкой разбойников», «мятежниками», которые «злодействуют», «грабят» и «жгут». Впрочем, эта оценочная лексика восходит к историческим материалам, которыми пользовался Пушкин, – к официальным

⁹ См.: Гиллельсон М.И., Мушина И.Б. Повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Комментарий. Л.: Просвещение, 1977. С. 10–23 [14].

¹⁰ См.: Петрунина Н.Н. Пушкин на пути к роману в прозе: «Дубровский» // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 9. Л.: Наука, 1979. С. 141–167 [15].

документам, воспоминаниям и переписке дворян¹¹. В широко представленных картинах жестокости и бесчинств отсутствуют прямые авторские оценки и комментарии, сами факты достаточно выразительны; например, об обороне Яицкой крепости сказано: «Мятежники хватали их в тесных проходах между завалами и избами, которые хотели они зажечь; кололи раненых и падающих и топорами отсекали им головы. Солдаты бежали. Убито их было до тридцати человек, ранено до осьмидесяти» [13, с. 159].

При этом в образе Пугачева в историческом труде Пушкина подчеркиваются такие черты, как зависимость от казаков: «Пугачев не был самовластен. Яицкие казаки, зачинщики бунта, управляли действиями прошлеца, не имевшего другого достоинства, кроме некоторых военных познаний и дерзости необыкновенной. Он ничего не предпринимал без их согласия; они же часто действовали без его ведома, а иногда и вопреки его воле» [13, с. 132]. Личные пристрастия и привязанности Пугачева должны были подчиниться «общему»: казаки «не терпели постороннего влияния на царя», «не допускали самозванца иметь иных любимцев и поверенных». Показательны следующие эпизоды, приведенные Пушкиным: «Пугачев в начале своего бунта взял к себе в писаря сержанта Кармицкого, простив его под самой виселицей. Кармицкий сделался вскоре его любимцем. Яицкие казаки, при взятии Татищевой, удавили его и бросили с камнем на шею в воду. <...> Молодая Харлова имела несчастье привязать к себе самозванца. <...> Она встревожила подозрения ревнивых злодеев, и Пугачев, уступив их требованию, предал им свою наложницу. Харлова и семилетний брат ее были расстреляны» [13, с. 132]. Пушкин приводит выразительную оценку А.И. Бибикова, данную Пугачеву и мятежу в целом: «Пугачев не что иное, как чучело, которым играют воры, яицкие казаки: не Пугачев важен; важно общее негодование» [13, с. 151].

Однако характерно, что при полной фактической зависимости от казаков Пугачев тем не менее именует себя *великим государем*, то есть революционные, мятежные события «выносят» вперед личность, в которой есть всеобщая народная потребность, народ не мыслит своего единства, кроме как в форме империи, т. е. происходит своего рода синтез народной стихии и организующей эту стихию формы противостоящего ему государства.

Самозванство как акт добровольного принятия личностью функции государя, угодного народу, привлекало внимание Пушкина уже в «Борисе Годунове». Удивительно, что при этом откровенные самозванцы оказываются в одном ряду с правителями-преобразователями: Борис Годунов и Гришка Отрепьев – каждый по-своему самозванец; Петр Великий и Пугачев – также (уместно вспомнить мифы-легенды о Петре как подмененном царе). Самозванство можно понять как

---

¹¹ См.: [Овчинников Р.В.] Каталог архивных документов и соответствующих им текстов Пушкина в «архивных тетрадях» и в «Истории Пугачева» // Овчинников Р.В. Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»). Л.: Наука, 1969. С. 190–265 [16].

«революционный» акт, направленный не на разрушение государства, а на резкое изменение вектора его движения. А.М. Панченко прослеживает линию самозванства в русской истории до XX века, включая в нее и деятелей революции: «...самозванство не кончилось на XVII веке: новые бунты, новое самозванство, и самый большой бунт – революция 1917 года, октябрьская революция. Она сопровождалась самым массовым самозванством. Ведь все деятели этой революции, они – не они: Ленин – не Ленин, Сталин – не Сталин, Троцкий – не Троцкий, Молотов – не Молотов, Киров – не Киров... Но почему Киров-то – не Киров? Чем фамилия Костриков-то дурна? Говорят – это им нужно было для конспирации. Но конспирация-то кончилась! И Ленин, который был покультурнее своих собратьев-революционеров, из дворянской семьи, хотел все-таки снова стать Ульяновым и подписывался “Ульянов-Ленин“. Но нация ему этого не позволила. В лучшем случае писали “Ленин“, а в скобках – “Ульянов“» [17, с. 164].

Показательно, что в эпоху революции и гражданской войны появляются тексты, посвященные Пугачеву и пугачевскому бунту: поэма С.А. Есенина «Пугачев» (1921 г.), пьеса К.А. Тренева «Пугачевщина» (1924 г.), работа М.И. Цветаевой «Пушкин и Пугачев» (1937 г.). Причем Пугачев в этих произведениях никогда не сливался с народом, не превращался в былинного героя, как, например, Стенька Разин; Пугачев всегда оставался индивидуальностью, противостоящей миру, т. е. «правителем» народной стихии.

В «Капитанской дочке» Пушкин превращает Пугачева именно в такого героя-правителя, он предстает «добрым государем», способным на милость к подданным, что явно не соответствует исторической правде. Одновременно Пушкин показывает пробуждение добрых чувств в императрице; Лотман отмечал, что в «Капитанской дочке» Пушкин *уравнивает позиции самозванца и императрицы*, Пугачева и Екатерины II, причем уравнивает в «гуманности», в отклонении от поведения, которое навязано их социальными ролями: «...в повести Пушкина Екатерина II помиловала Гринева подобно тому, как Пугачев Машу и того же Гринева» [10, с. 121]. Лотман отмечает в повести и существенное изменение формы отношения Пугачева к народному войску, по сравнению с «Историей Пугачева». Как мы уже говорили, в последней Пугачев часто изображается как марионетка его ближайшего казацкого окружения, совсем иначе тип этих отношений выглядит в художественном произведении: «...в “Капитанской дочке“ подчеркнута, по сравнению с “Историей Пугачева“, роль Пугачева как руководителя народного государства. В “Истории Пугачева“ Пушкин был склонен видеть в нем отважного человека, но игрушку в руках казачьих вожakov. <...> В “Капитанской дочке“ Пугачев наделен достаточной властью, чтобы самостоятельно и вопреки своим сподвижникам спасти и Гринева, и Машу Миронову. Пушкин начинает ценить в историческом деятеле способность проявить человеческую самостоятельность, не раствориться в поддерживающей его государственной бюрократии, законах, политической игре» [10, с. 123].

Близкую тенденция можно увидеть и в развитии петровской темы в творчестве Пушкина. В стихотворении «Пир Петра Первого» (1835 г.) поэт изображает императора великим именно в своем проявлении человечности:

Годовщину ли Полтавы
Торжествует государь,
День, как жизнь своей державы
Спас от Карла русский царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?
Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом [18, с. 318].

Картина проявления человеческого сострадания предстает в воображении поэта в стихотворении «Герой» (1830 г.), где речь идет о Наполеоне:

Не бранной смертью окружен,
Нахмурясь ходит меж одрами
И хладно руку жмет чуме
И в погибающем уме
Рождает бодрость...
<...>
Оставь герою сердце! Что же
Он будет без него? Тиран... [18, с. 187]

Проведенный анализ позволяет заключить, что, размышляя над реальными историческими фигурами Петра I, Екатерины II и Пугачева, Пушкин пытался художественно сконструировать их идеальные вариации, которые отвечали бы его пониманию идеального правителя и идеальной империи, причем в этом представлении народ и его чаяния должны были быть учтены не в меньшей мере, чем государственные задачи и интересы дворянства, поддерживавшего трон. Именно поэтому Пушкин выдвигал весьма смелую мысль о соединении в одном лице наследного императора и народного вожака, принимающего титул царя по воле народа. Наиболее наглядно эти две фигуры и эти две позиции в его

воображении соединялись в актах гуманности, человеческого сострадания, демонстрирующих вторичность сословных и имущественных различий и позволяющих правителю добиться равного признания у всех своих подданных.

Вряд ли поэт предполагал, что идеал, порожденный его свободной художественной фантазией, получит реальное политическое воплощение или хотя бы примет продуманную теоретическую форму. Показательно, что этот идеал появляется в художественных произведениях; в научных трудах Пушкина историческое прошлое предстает во всей полноте, включая самые неприглядные его стороны (в связи с этим Пушкин понимал, что «Историю Петра I» цензура не допустит к печати; после смерти поэта Николай I заключил, что рукопись не может быть издана¹²). Тем не менее прошло всего десятилетие после смерти Пушкина и его смелая мысль получила вполне законченное философское выражение в трудах ранних славянофилов.

А.С. Хомяков предельно ясно выразил идею «народной монархии», в которой общественный идеал предстает как преобладание общины над формальными структурами государства. Не отрицая полностью государства, Хомяков до предела сближает его идеальное воплощение с анархической концепцией самоуправляемого общества. Н.А. Бердяев пишет о государственном идеале Хомякова: «Самый монархизм славянофилов – не государственный, а анархический. Славянофилы – сторонники самодержавия не потому, что народ русский любит политическую власть и поклоняется политической мощи, а потому лишь, что народ этот не любит политической власти и отказывается от политической мощи. ... народ русский, народ, безвластный по своей природе, отвергает соблазн языческого империализма, поручает своему избраннику, царю, нести бремя власти, за него нести тяготу государственования и тем освободить его для высшей деятельности» [20, с. 118–119].

Несмотря на то, что народ, по мысли Хомякова, не обладает желанием власти, он не принимает той власти, с которой внутренне не согласен и которой не дает собственной санкции. «Самодержавие не может быть насилием над волей народа, как в западном абсолютизме, самодержавие может быть лишь выражением воли народа. Самодержавие создает сам народ, а не завоеватели народа», – пишет Н.А. Бердяев в своем труде «Алексей Степанович Хомяков» [20, с. 122]. Отсюда вытекает стремление понять отношения царя и народа по модели отношений родителей и детей, по органической, а не механистической и бюрократической модели.

Аналогичным образом второй теоретик раннего славянофильства И.В. Киреевский обосновывал любовь к царю в народе с помощью идеи незыблемой законности, исходящей от царя и препятствующей каким бы то ни было злоупотреблениям со стороны чиновников и дворянства: «В народе же самая

---

¹² См.: Томашевский Б.В. Примечания // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. Л.: Наука, 1979. С. 379 [19].

любовь к Царю есть собственно остаток прежнего уважения к закону, так что если последнее совсем исчезнет, то и первое поколеблется» [21, с. 66]. Причем законность для Киреевского является *сутью* монархического правления, а не *средством* его устойчивого положения. Эта мысль приводит Киреевского к весьма показательному выводу о том, что последовательное развитие законности может привести к растворению (!) монархии в некоем общинном народном государстве. Риторически возражая неким «приверженцам самовластия, он утверждает, что «то, чего они боятся, – эта конечная цель развития законности в России, где самодержавие само собою и заметно исчезнет в твердости общего порядка, – не только не противно воле Самодержца русского, но, без малейшего сомнения, составляет самую главную мысль и постоянную цель всех его трудов и забот о благе и устройстве государственном» [21, с. 69–70].

Таким образом, Пушкин своей гениальной художественной интуицией угадал тот элемент представлений о самодержавной власти, который оказался предельно характерным для русского национального самосознания. Славяно-филы первыми дали ему лаконичное, но вполне ясное выражение, а затем в преображенных формах его можно найти в известных и, на первый взгляд, очень разных концепциях идеального общественного устройства – от «анархизма» Л.Н. Толстого до позднейших концепций идеальной монархии, возникших в трудах Л.А. Тихомирова, И.А. Ильина и И.Л. Солоневича.

Список литературы

1. Platt K. Terror and Greatness: Ivan and Peter as Russian Myths. Ithaca: Cornell University Press, 2011. 294 p.
2. Вульф А.Н. Дневники (Любовный быт пушкинской эпохи). 1827–1842. М.: Федерация, 1929. 445 с.
3. Шенрок В.И. Николай Михайлович Языков. 1803–1846 годы. Биографический очерк. Окончание // Вестник Европы. 1897. Т. 6, № 12. С. 597–651.
4. Грот Я.К. Приготовительные занятия Пушкина для исторических трудов // Грот Я.К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники: Несколько статей Я. Грота с присоединением и других материалов. СПб.: Типография императорской академии наук, 1887. С. 159–167.
5. Оксман Ю.Г. Пушкин в работе над «Историей Пугачева» // Литературное наследство. Т. 16/18. [Александр Пушкин]. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. С. 443–466.
6. Пушкин по документам архива М.П. Погодина // Литературное наследство Т. 16/18 [А.С. Пушкин]. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. С. 679–724.
7. Пушкин А.С. О дворянстве // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. Л.: Наука, 1978. С. 104–106.
8. Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Герцен А.И. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 3. М.: Худож. лит., 1956. С. 379–515.
9. Пушкин А.С. Письма // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. Л.: Наука, 1979. 713 с.
10. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. 352 с.
11. Пушкин А.С. Александр Радищев // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. Л.: Наука, 1977. С. 239–249.

12. Rosenshield G. *Pushkin and the Genres of Madness: The Masterpieces of 1833*. Madison: University of Wisconsin Press, 2003. 280 p.
13. Пушкин А.С. История Пугачева // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. Л.: Наука, 1978. С. 107–278.
14. Гиллельсон М.И., Мушина И.Б. Повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Комментарий. Л.: Просвещение, 1977. 192 с.
15. Петрунина Н.Н. Пушкин на пути к роману в прозе: «Дубровский» // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 9. Л.: Наука, 1979. С. 141–167.
16. [Овчинников Р.В.] Каталог архивных документов и соответствующих им текстов Пушкина в «архивных тетрадах» и в «Истории Пугачева» // Овчинников Р.В. Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»). Л.: Наука, 1969. С. 190–265.
17. Панченко А.М. Самозванец // Звезда. 2005. № 12. С. 160–170.
18. Пушкин А.С. Стихотворения. 1827–1836 // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. 497 с.
19. Томашевский Б.В. Примечания // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. Л.: Наука, 1979. С. 375–384.
20. Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков. Томск: Водолей, 1996. 159 с.
21. Киреевский И.В. Записка об отношении русского народа к царской власти // Киреевский И.В. Разум на пути к истине. М.: Правило веры, 2002. С. 49–82.

References

(Sources)

Collected Works

1. Gertsen, A.I. O razvitií revolyutsionnykh idey v Rossii [On the Development of Revolutionary Ideas in Russia], in Gertsen, A.I. *Sobranie sochineniy v 9 t., t. 3* [Works in 9 vol., vol. 3]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1956, pp. 379–515.
2. Pushkin, A.S. O dvoryanstve [About the nobility], in Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochineniy v 10 t., t. 8* [Complete works in 10 vol., vol. 8]. Leningrad: Nauka, 1978, pp. 104–106.
3. Pushkin, A.S. Pis'ma [Letters], in Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochineniy v 10 t., t. 10* [Complete works in 10 vol., vol. 10]. Leningrad: Nauka, 1979. 713 p.
4. Pushkin, A.S. Aleksandr Radishchev, in Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochineniy v 10 t., t. 7* [Complete works in 10 vol., vol. 7]. Leningrad: Nauka, 1977, pp. 239–249.
5. Pushkin, A.S. Istoriya Pugacheva [Pugachev's history], in Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochineniy v 10 t., t. 8* [Complete works in 10 vol., vol. 8]. Leningrad: Nauka, 1978, pp. 107–278.
6. Pushkin, A.S. Stikhotvoreniya. 1827–1836 [Poems. 1827–1836], in Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochineniy v 10 t., t. 3* [Complete works in 10 vol., vol. 3]. Leningrad: Nauka, 1977. 497 p.
7. Tomashevskiy, B.V. Primechaniya [Notes], in Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochineniy v 10 t., t. 9* [Complete works in 10 vol., vol. 9]. Leningrad: Nauka, 1979, pp. 375–384.

Individual Works

8. Berdyayev, N.A. *Aleksey Stepanovich Khomyakov*. Tomsk: Vodoley, 1996. 159 p.
9. Kireevskiy, I.V. Zapiska ob otnoshenii russkogo naroda k tsarskoy vlasti [Note on the attitude of the Russian people to the tsarist government], in Kireevskiy, I.V. *Razum na puti k istine* [Mind on the way to truth]. Moscow: Pravilo very, 2002, pp. 49–82.
10. Katalog arkhivnykh dokumentov i sootvetstvuyushchikh im tekstov Pushkina v «arkhivnykh tetradyakh» i v «Istorii Pugacheva» [Catalog of archival documents and their corresponding texts by Pushkin in the “archival notebooks” and in the “History of Pugachev”], in Ovchinnikov, R.V. *Pushkin v rabote nad arkhivnymi dokumentami («Istoriya Pugacheva»)* [Pushkin in the work on archival documents (“History of Pugachev”)]. Leningrad: Nauka, 1969, pp. 190–265.

11. Pushkin po dokumentam arkhiva M.P. Pogodina [Pushkin according to the documents of the archive of M.P. Pogodin], in *Literaturnoe nasledstvo, t. 16/18 [A.S. Pushkin]* [Literary heritage, vol. 16/18 [A.S. Pushkin]]. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie, 1934, pp. 679–724.

(Articles from Scientific Journals)

12. Panchenko, A.M. Samozvanets [Pretender], in *Zvezda*, 2005, no. 12, pp. 160–170.

13. Shenrock, V.I. Nikolay Mikhailovich Yazykov. 1803–1846 gody. Biograficheskiy ocherk. Okonchanie [Nikolay Mikhailovich Yazykov. 1803–1846 years, Biographical sketch. End], in *Vestnik Evropy*, 1897, vol. 6, no. 12, pp. 597–651.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

14. Grot, Ya.K. Prigotovitel'nye zanyatiya Pushkina dlya istoricheskikh trudov [Pushkin's preparatory classes for historical works], in Grot, Ya.K. *Pushkin, ego litseyskie tovarishchi i nastavniki: Neskol'ko statey Ya. Grota s prisoedineniem i drugikh materialov* [K. Pushkin, his Lyceum comrades and mentors: Several articles by Ya. Groth with the addition and other materials]. Saint-Petersburg: Tipografiya imperatorskoy akademii nauk, 1887, pp. 159–167.

15. Oksman, Yu.G. Pushkin v rabote nad «Istoriyei Pugacheva» [Pushkin in the work on the "History of Pugachev"], in *Literaturnoe nasledstvo, t. 16/18 [Aleksandr Pushkin]* [Literary heritage, vol. 16/18 [A.S. Pushkin]]. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie, 1934, pp. 443–466.

16. Petrunina, N.N. Pushkin na puti k romanu v proze: «Dubrovskiy» [Pushkin on the way to the novel in prose: "Dubrovsky"], in *Pushkin: Issledovaniya i materialy, t. 9* [Pushkin: Research and materials]. Leningrad: Nauka, 1979, pp. 141–167.

(Monographs)

17. Gille'son, M.I., Mushina, I.B. *Povest' A.S. Pushkina «Kapitanskaya dochka». Kommentariy* [A.S. Pushkin's story "The Captain's Daughter". A comment]. Leningrad: Prosveshchenie, 1977. 192 p.

18. Lotman, Yu.M. *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin, Lermontov. Gogol'* [At the school of the poetic word: Pushkin, Lermontov. Gogol]. Moscow: Prosveshchenie, 1988. 352 p.

19. Platt, K. *Terror and Greatness: Ivan and Peter as Russian Myths*. Ithaca: Cornell University Press, 2011. 294 p.

20. Rosenshield, G. *Pushkin and the Genres of Madness: The Masterpieces of 1833*. Madison: University of Wisconsin Press, 2003. 280 p.

21. Wolfe, A.N. (1929) *Dnevnik (Lyubovnyy byt pushkinskoy epokhi). 1827–1842* [Diaries (Love life of the Pushkin era). 1827–1842]. Moscow: Federatsiya, 1929. 445 p.